

— рассказывает женеvский режиссер, актер, поэт, прозаик, драматург,
блестящий знаток японской культуры **Армен Годель**

Наша беседа протекает в поздний час, в одном из уютных женеvских кафе, неподалеку от театра "Сен-Жерве", где мы вместе смотрели "Трех сестер" Чехова в постановке ванадорского театра из Армении. Очевидно, поэтому темой нашей беседы стала исключительно русская культура.

Невероятно трудолюбивый, талантливый и удивительно скромный Армен Годель всякий раз удивлял меня то новой книгой, то очередной литературной премией, то новой серьезной работой в театре или кино. Прошлым летом в Париже так, между прочим, он подарил мне большую антологию пьес театра "Но" в своем переводе, изданную "Галлимаром". А на этот раз я узнал, что его роман "Isola Bella" удостоен престижной литературной премии "Lipp" в Женеве.

...Но в этот вечер Армен Годель говорил только о своей привязанности к русской культуре. "В детстве моей самой любимой книжкой была "Баба-Яга". До сих пор помню обложку — книга была иллюстрирована черными, красными и синими картинками...

Всякий раз, когда мать предлагала мне что-нибудь почитать, из множества детских книг я выбирал эту русскую сказку о страшной колдунье".

Свойственный швейцарскому духу интернационализм еще сильнее развивался и обогащался в семье Годелей: отец — Робер Годель был крупным лингвистом, блестящим знатком восточных языков, мать — Мелинэ Годель (Папазан) армянка из Константинополя, старший брат — Ваге Годель, известный поэт и прозаик. С русскими учеными эмигрантами дружил еще отец Годель.

"В те годы в Женеве жил русский лингвист Сергей Карчевский, который изучал структуральную лингвистику Фердинанда де Соссюра и, кстати, посвятил в эту науку и Николая Трубецкого. Карчевский часто бывал у нас в доме, приходил к отцу..." А.Годель считает, что русская культура оставила в его творчестве неизгладимый след.

"В тринадцать лет отец повел меня в женеvский "Theatre de Poche" ("Карманый театр"), в этот вечер играли "Дядю Ваню". Это было моим открытием Чехова и началом моего театрального пути. Я был настолько потрясен, настолько очарован спектаклем, русским духом, что стал буквально "проглатывать" Чехова, Пушкина, Гоголя, Достоевского, Островского, Лескова (Лескова в переводах Карчевского) и многих других русских авторов..."

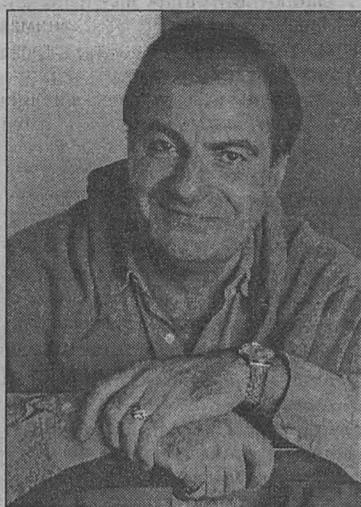
С особым восторгом и ностальгией А.Годель вспоминает свою первую "встречу" с профессиональным русским театром. "Приезд Питоева стал большим событием в культурной жизни Женевы. Его театр не имел ничего общего с тем буржуазным вкусом, который царил на женеvских сценах. На сцене Коммунального зала в Пленпале, который сейчас называется Театром Питоева, помимо Шекспира, Ибсена, Стриндберга, Клоделя и Метерлинка, он ставил Пушкина, Гоголя, Островского, Толстого, Тургенева, Андреева, Блока, Чехова, Горького..."

Правда, тогда меня еще не было на свете, но спустя много лет я встречался с актерами и художниками, работавшими с Питоевым, в частности с Норой Сильвер и ее братом Александром де Спенглером. Последний оформил много спектаклей Питоева. По происхождению они были русские. Нора Сильвер была не только замечательной актрисой, но и прекрасным педагогом. Она открыла множество дарований..."

Мой собеседник считает себя в значительной мере воспитанником русской театральной школы.

"Франсуа Симон, сын знаменитого Мишеля Симона, в начале войны вернулся в Женеву (как и отец, он был исключительным актером). В пятидесятых годах он основал "Театр де Карух".

Я учился в театральной школе при этом театре. Будучи в Париже учеником Дюллена и Питоева, Франсуа Симон работал с нами по их системе... Он требовал от нас быть искренними и чуть-чуть ироничными. Практической основой для нас служили исключительно персонажи Чехова: Иванов, Львов, Косых ("Ива-

Армен Годель.

В саду Толстого!

Изгороди без могил, где цветет смерть
Сияние солнца в черноземе
Здесь на этой скамейке сижу
Без движенья... трепещущий
Пред тобою... такой бессильный
Ветер поднимает меловые тучи
И я лечу в пыли
Шелест обезумевших трав
Меж обломков деревьев
Ноги мои вязнут в черном песке
Медленно ухожу под прожженный мох.

Перевод с французского Анаит Топчян.

нов"), Треплев, Тригорин ("Чайка"), Тузенбах, Вершинин, Чебутыкин, Кулыгин, Соленый ("Три сестры"), Астров, Ваня ("Дядя Ваня"), Трофимов, Епиходов, Лопухин ("Вишневый сад"), а также мужские персонажи из одноактных пьес: "Предложение", "Медведь" и "Свадьба".

Не удивительно ли, что первой серьезной работой режиссера Годеля была пьеса Чехова "На большой дороге"? — на сцене парижского театра "Ателье".

"То, что меня привлекает в русском мировосприятии, — это глубокое взаимопонимание Востока и Запада.

Моя постановка пользовалась большим успехом. В работе над анализом и французским переводом пьесы мне помогал Марк Слоним, который преподавал русский язык в Женевском университете. Мне кажется, я сумел вложить в эту постановку все то, что раскрыл для себя в русской литературе".

Интересно, что эту постановку по пьесе русского автора А.Годель сделал, будучи стипендиатом французского правительства.

"По рекомендации отца я смог встретиться с крупным специалистом русского театра Ниной Гурфинкель. В ее переводе на французский язык я читал книгу "Моя жизнь в искусстве" Станиславского, а также ее монографии о Чехове, Станиславском и Горьком; специальный сборник, посвященный Мейерхольду; наконец, ее многочисленные переводы русских драматургов.

Эта встреча для меня оказалась более чем полезной. Нина Гурфинкель предложила мне работать вместе над переводом пьесы Островского "Гроза". Сотрудничество наше в итоге закончилось серией из двенадцати пьес под заглавием "От Пушкина до Горького", которая вышла в 1967 году в лозанском издательстве "Ранконтр".

Крупный специалист по Станиславскому и его ученикам Мейерхольду и Вахтангову, постановки которых она видела еще в Москве, Нина Гурфинкель, зная о моем пристрастии к ним, предложила совместную работу над составлением книги по основным текстам "Работы актера над собой" Станиславского. Общими усилиями мы переводили и комментировали эти тексты. Труд этот, к сожалению, остался незавершенным... Тем не менее работа над текстами Станиславского оказалась для меня чрезвычайно полезной: когда в 1966—1971 годах при театре "Ателье" я руководил студией обучения сценической психотехнике, теоретической базой для нас служила система Станиславского".

Затем Армен Годель стал перечислять

свой русский репертуар актера и постановщика:

"В 1965 г. кинорежиссер Клод Горетта пригласил меня работать ассистентом в своем фильме "Чехов или зеркало потерянных жизней". Сценарий был написан по мотивам пяти рассказов Чехова. Помимо обязанностей ассистента, я исполнил роль одного из персонажей.

Я играл в двух разных постановках "Трех сестер". В 1978 г. — Кулыгина, а в 1994-м — Чебутыкина. Наконец, самое свежее чеховское воплощение — роль самого Чехова в радиопостановке по письмам Чехова и Ольги Книппер-Чеховой. Пьеса была передана по "Радио Сюисс-романд".

Кроме Пушкина и Чехова Армен Годель играл и ставил Островского. В частности, он вспомнил, как в 1983 году в роли Несчастливцева ("Лес") декламировал на русском отрывки из "Разбойников" Шиллера.

"В студиях профессиональных театров Женевы и Лозанны, в 1980 и 1988 г. я дважды ставил "Грозу" Островского, а в 1982 г. в Лозанне — "Леда Макбет Мценского уезда" Лескова. Кстати, в течение последних десятилетий я читал и перечитывал Николая Лескова, самого моего любимого прозаика".

В России он впервые побывал в 1977 году и даже (как другой швейцарец, Блез Сандрар), путешествуя по Транссибирской магистрали, доехал до самого Владивостока, а оттуда — в Японию.

"Страна мне показалась огромным прудом, покрытым настолью толстым слоем льда, что трудно было понять, что происходит там, на дне.

...Я посетил усадьбу Льва Толстого в Ясной Поляне. Это было жарким летом. Мне с моей спутницей пришлось пешком пройти несколько километров в поисках холодного напитка, но кроме теплого кваса мы ничего не нашли".

А писал ли он о своем путешествии по России? "О поездке на Дальний Восток я рассказываю в моем романе "Водоросли Осаки", а также в стихотворении "Амадзар". В следующем, 1978 г. А.Годель побывал даже на БАМе! В Новосибирске, Иркутске, на монгольской границе..."

"В марте 1992 г. я снимался в Москве у Сергея Бодрова в фильме "Hotel Terminus". Съемки проходили в павильоне "Мосфильма". Я работал с прекрасными русскими актерами Татьяной Васильевой, Татьяной Кравченко, Алексеем Жарковым, Владимиром Ильиным и, наконец, с моей тезкой Арменом Джигарханяном. Между нами установилась творческая дружба. Помню, как мы ехали с Джигарханяном на его огромной машине смотреть Жаркова в роли Оргона во МХАТе. Впервые в моей жизни приходилось играть с настоящими русскими актерами, воспитанными на традициях Станиславского.

Россия 1992 года мне опять показалась огромным замерзшим прудом, но лед местами как будто начал оттаивать.

Иногда, выходя со студии, я пешком отправлялся на Новодевичьи кладбище и там находил могилы почитаемых мною людей: Гоголя, Чехова, Станиславского, Вахтангова и многих других великих артистов, фотографии которых я видел на стенах МХАТа.

Последняя моя творческая встреча с русскими актерами состоялась в 1993 г. В совместной русско-швейцарской постановке по мотивам Беккета я играл с Игорем Костелевским и его женой Еленой Романовой".

На мой последний вопрос, ожидает ли его новая встреча с русской драматургией, Армен Годель ответил:

"В настоящее время я работаю над постановкой "Медеи". Текст составлен из пьес разных авторов разных времен. Премьера состоится в конце марта в Лозанне.

Но, учитывая, что весь я погружен в русскую культуру, что моя творческая биография формировалась под влиянием русской культуры, весьма вероятно, что в будущем будет немало деловых встреч с русскими авторами, вероятно, и с русскими актерами и режиссерами".

СТАНИСЛАВ АЛЕКСАНДР ТОПЧЯН

Женева